

ТАГАНРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ 178-й.

№ 178-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ

Телефонъ редакціи № 85.

Телефонъ типографіи № 85.

политическая и общественно-литературная газета.

Годъ XXIII

Пятница, 9 іюля 1904 года.

Годъ XXIII

А. П. Чеховъ.

Современныя условія срочной журнальной работы развили такую литературную форму, которая, вопреки кичливому заголовку, не представляет из себя ни рассказа, ни новеллы, такъ какъ въ ней отсутствует тенденція. Мимолетное впечатлѣніе, мелкій эпизодъ, характерный контуръ, отрывочный разговоръ, вызывающій въ читателѣ иллюзію, — вотъ изъ чего состоятъ эти краткіе наброски, похожіе на лѣтопись, куда попадаетъ изъ записныхъ книжекъ нашихъ романистовъ излишекъ наблюденій. Какъ искра отъ кремня, высѣкаемаго въ темнотѣ на удобномъ мѣстѣ, освѣщаетъ на мгновение необъятную толпу, сокрытую во мракѣ, такъ какая-нибудь отмѣтка, искусно выработанная, раскрываетъ передъ нами всю жизнь, распутываетъ сложные узлы внутренней драмы. Антонъ Чеховъ, — говоритъ Е. де-Вогюэ, — живописуетъ передъ нами картину, съ натуры, горькой правды. — Русское общество изображается на ней подъ видомъ «страго пятна» — выраженіе, которое они всѣ столь охотно повторяютъ, чтобы отбѣгнуть свой пессимизмъ.

Между обильными произведениями А. Чехова «Рассказы» занимаютъ видное мѣсто. Въ одной изъ своихъ комедій нашъ авторъ выводитъ рыянаго фотографа-любителя, который въ минуту тягостнаго прощанія, когда главные лица обмѣниваются печальными попутствиями, безпрестанно кричитъ: «Прошу не трогаться, еще одинъ снимокъ». Нашъ авторъ поступаетъ такъ-же, какъ его герои, для него все служитъ предлогомъ, чтобы направить аппаратъ на страданія людей. Другіе русскіе писатели вос-

пѣвали это страданіе, преклонялись передъ нимъ, поэтизировали его, а Чеховъ фотографируетъ его. Словно лента кинематографа (и нельзя найти лучшаго уподобленія для характеристики его творчества), развертывается передъ нашими глазами богатая коллекція его снимковъ, создавая иллюзію въ той-же степени, какъ и кинематографъ, въ тѣхъ-же границахъ и съ тою же тревожною искусственностью.

Мнѣ кажется, — продолжаетъ Е. М. де-Вогюэ, въ сложномъ талантѣ А. Чехова можно распознать вліяніе различныхъ учителей. Во главѣ его литературной генеалогіи стоитъ Гоголь, общій родоначальникъ современнаго направления, который впервые преподавалъ искусство наблюдать и изображать въ реальной обстановкѣ народную жизнь. Чѣмъ дальше отъ Гоголя, тѣмъ число русскихъ романистовъ все болѣе увеличивается, и тѣмъ болѣе становится изумленіе передъ вдохновеннымъ гениемъ, который породилъ ихъ всѣхъ. «Мертвые души» будутъ стоять рядомъ съ Донъ-Кихотомъ.

Далѣе, для Чехова, какъ вообще для всѣхъ его соперниковъ, Левъ Толстой былъ тѣмъ учителемъ анатоміи, который производилъ искусную диссекцію надъ человѣческимъ сердцемъ. Всѣ хотятъ восхитить у него сокровенную тайну, его искусство опредѣлять всякое твореніе точными признаками, отличающими его отъ другихъ созданий.

Еще болѣе вспоминается въ этюдахъ Чехова изъ деревенской жизни Тургеневъ. Съ перваго-же слова тонъ и темпъ рассказа возвращаютъ насъ къ «запискамъ охотника». Обратите хотя вниманіе на ночную бесѣду слугъ «Въ сараѣ», когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ умираетъ ихъ баринъ, самоубійца. Какъ въ этомъ рассказѣ,

такъ и во многихъ другихъ первыхъ мазки кисти обнаруживаютъ чувствительную воспримчивость Тургенева. Впрочемъ, очень часто рассказы Чехова круто измѣняются, отзывчивость автора притупляется, это уже вліяніе новыхъ учителей, проповѣдниковъ безотраднаго пессимизма. Авторъ какъ-бы боится поддаться старинной модѣ, облакавшей все дымкой задумчивой поэзіи, сквозь которую въ свѣтломъ мечтаніи взиралъ на міръ Тургеневъ, этотъ великій художникъ — реалистъ.

А. Чеховъ, очевидно, питаетъ предрасположеніе къ Мопассану: онъ часто цитируетъ его; безъ сомнѣнія, онъ пришелъ къ той вѣрной мысли, что Мопассанъ, какъ совершенная модель, научить, какъ освѣщать то, что слегка расплывается въ кампозиціи русскихъ романистовъ, и ускорять медленный темпъ рассказа. Знакомству съ нимъ Чеховъ и обязанъ тѣмъ, что онъ такъ выгодно отдѣляется отъ многихъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ болѣею краткостью, простотою и ясностью мысли.

Чеховъ вообще любитъ изображать губительное дѣйствіе времени, исчезновеніе въ человѣкѣ прежнихъ чувствъ, полную метаморфозу, когда какая-нибудь житейская случайность занесетъ его снова въ давно покинутую среду.

Всякій писатель долженъ ограничиться исканіемъ своего слова. Если-же у кого нѣтъ собственнаго міровоззрѣнія, тотъ можетъ выбрать себѣ какое-либо другое почетное занятіе; ну, пусть займется онъ хотя-бы скупкой закладныхъ на недвижимость, маклерствомъ, на хлѣбной биржѣ, сыромятнымъ ремесломъ, или пусть откроетъ прядильню. Чтобы писать, т. е. чтобы претворять міръ въ образцы, нужно взирать на міръ сквозь покрывало Изиды.

А. Чеховъ переноситъ на теа-

тральные подмостки свою разсудочную философію, дикія кривлянья куколъ, которыхъ дергаютъ за бичевку, скрытую отъ взоровъ зрителей. Они очень мало дѣйствуютъ на сценѣ: обреченные силой неизбежнаго рока, они ограничиваются одними жалостливыми размышленіями о своей судьбѣ. Вообще, кажется, — продолжаетъ Е. М. де-Вогюэ, — въ Чеховѣ-романистѣ драматическій талантъ пробудился подъ вліяніемъ Ибсена. Однако, нельзя восхитить у норвежскаго писателя его иллюзію міра, его поэзію великихъ символовъ, необузданный идеализмъ его романтическихъ героинь, и, дѣйствительно, Чеховъ беретъ у него только механическія положенія его созданія и ихъ болѣзненные подергиванья.

Чеховъ выбираетъ дѣвствующихъ лицъ своихъ драмъ изъ провинціального общества, по преимуществу наиболее безцвѣтнаго и апатичнаго: это незначительные чиновники, земскіе врачи, какіе-нибудь оберъ-офицеры или поручики въ отставкѣ. На всѣхъ нихъ лежитъ печать неудачниковъ. Мѣсто ихъ дѣйствія — обыкновенно усадьба вблизи какого-нибудь губернскаго города. И право, со стороны предложеніемъ обращается авторъ къ публикѣ: «взгляните, я хочу позабавить васъ, раскрывъ передъ вами все, что есть наиболѣе низкаго, скучнаго въ вашей странѣ, въ вашей будничной жизни; вы, какъ и мои герои, жаждете выбраться изъ этого грязнаго болота, а я погружу васъ туда на нѣсколько часовъ и докажу вамъ, что выкарабкаться отсюда невозможно». И, изображая ничтожество, авторъ сдержалъ свое обѣщаніе: въ веркаль, которое подноситъ авторъ читателю, русское общество видится, какъ оно скучаетъ; зрители восторженно хлопаютъ отраженію

той самой дѣйствительности, которую они провозгласили усыпительной.

Вполнѣ отдавая дань уваженія таланту Чехова, читатель и зритель, тѣмъ не менѣе, страдаютъ при видѣ проходящей передъ ними длинной вереницы больныхъ, полуживыхъ персонажей, героевъ, похожихъ на фантомы.

У М. Горькаго намъ еще чудились раздирающіе крики и визги; у него подъ слоємъ пепла тлѣетъ еще романтизмъ, а мятежный протестъ, сокрытый въ его душѣ, придаетъ особый отпечатокъ его картинамъ нищеты. Чеховъ не волнуется, онъ не протестуетъ; нѣтъ, это художникъ, который выбираетъ модныя темы. И оттого, быть можетъ, его эскизы, несравненно менѣе мрачны и не такіе рѣзкіе, оставляютъ въ насъ впечатлѣніе болѣе удручающей жестокости.

Въ эпоху крѣпостнаго права грусть первыхъ писателей, обратившихся къ изученію народа, была тотчасъ же понята. Только это право и могло дать объясненіе смѣху Гоголя, гнѣвной пѣснѣ Некрасова, меланхоліи Тургенева или Достоевскаго. Когда совершилось освобожденіе крестьянъ, глубокой вздохъ облегченія привѣтствовалъ реформу и въ сердцахъ ожила надежда. Общество вправѣ было требовать радостнаго просвѣтленія мысли писателей; но случилось нѣчто противоположное; какой-то мракъ все болѣе и болѣе окутывалъ русскую мысль. Съ тѣхъ поръ минуло много лѣтъ, но новые дѣятели стали еще ядовитѣе, еще мрачнѣе; еще болѣе, чѣмъ ихъ отцы, растерялись. Какой нѣжной и животворной кажется грусть прежнихъ писателей, въ сравненіи съ тѣми произведеніями, въ которыхъ философскій нигилизмъ граничитъ съ полнымъ умственнымъ отупѣніемъ.

Все единодушно говорить за экономическое развитіе Россіи, во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ наукѣ, искусствѣ идетъ дружная и плодотворная работа. Русская нація — честолюбива, какъ это и подобаешь ей, въ виду ея юности и ея величія. Успѣхи, видные всему свѣту, достигаются твердо и методично, столько-же обнаруживая практическое чутье, какъ и силу увлеченія. Это — признаки жизненности, что вовсе не согласуется съ наблюденіями надъ самой сердцевиной; на обликѣ Россіи — работницы и завоевательницы нѣтъ слѣдовъ буддійской отрѣшенности отъ міра. Мнѣ, — пишетъ Е. М. де-Вогюэ, — однако, могутъ возразить, что буддійская Индія создала-же матеріальную культуру, которая утонченностью не уступала никакой другой; мнѣ скажутъ, что созерцательный духъ буддистовъ, порвавшихъ связи съ жизнью, все развивался, и если не ихъ раса, то ихъ міровоззрѣніе покорило себѣ двѣ трети тогда извѣстнаго земного шара.

Но историкъ, улавливающий, какъ ему кажется, господствующій принципъ эволюціи какого-нибудь народа или времени, не смущается тѣми видимыми противорѣчіями, которыя подрываютъ его теорію.

Николай Зинченко.

